

Всеволод Алферов

Вестник

Закончено, о Мертвый бог. Свершилось. Полог разорван, обнажив святая святых твоих храмов — точно непристойную плоть под драной засаленной рубахой. Тьма объяла город царей в устье реки Ладжън, и четыре мудреца в поношенных чалмах возвестили, окинув бесстрастным взглядом созвездия: «Здесь остановилось и не продлится больше время. Вновь новое начало напишут в книгах».

Все же что касается тьмы, сложившийся текст показался чародею зловещим. Но, с другой стороны — вполне в духе святых писаний и храмовых летописей. Кассим усмехнулся, вспомнив школьные годы среди жрецов.

Ночная мгла и впрямь объяла город, приглушив звуки и затемнив краски.

За те несколько шагов, что проделал маг от носилок и до калитки, он увидел высокие каменные заборы, за которыми скрывались дома богачей. Золотистый свет фонарей то тут, то там выхватывал резные ворота и куски узоров на мозаичных мостовых — но все прочее тонуло в ночи, а спящие дворцы казались бесформенными тенями.

— Сюда, мудрый.

Ученик провел мага в старый запущенный сад, мимо каменных слонов, чьи бивни до сих пор поблескивали остатками позолоты. Интересно, что он знает, этот юноша? Что знают владельцы соседних, незаброшенных особняков? Нужно спросить у Сайлеха, как тот заботится о секретности.

Впрочем, это имеет значение лишь если у них получилось.

«Вновь новое начало напишут в книгах. В осколках мрамора повержен старый бог». Да, именно так сказали бы храмовые писари.

Они прошли по аллее, вдоль которой к небу тянулись темные пики кипарисов, и приблизились к крылу для слуг. Старая дубовая дверь отворилась почти бесшумно, но в ночной тиши и легкий скрип показался Кассиму оглушительным.

— Наставник Сайлех ждет во второй комнате, — проговорил ученик. — А мне бы нужно вернуться к калитке. Вы легко найдете дорогу, мудрый. Мой пост...

— Найду, мальчик, найду, — прервал сбивчивые объяснения Кассим. — Иди сторожи.

Внутри горела масляная лампа, и в комнате не было ничего, кроме низкого столика и разбросанных по полу подушек. Толкнув еще одну дверь, чародей невольно сощурился от яркого света колдовских огней.

Сайлех тут же вскочил и в почтительном жесте коснулся лба.

— Боги воплотились в вас, мудрый!

Кассим махнул рукой. Менее всего ему хотелось тратить время на дурацкие, бессмысленные ритуалы.

— Лучше сразу рассказывай, — ворчливо посоветовал маг.

— О, конечно, Верховный!

Ученый торопливо подставил ему старый стул и сделал вид, что не заметил, как под весом Кассима тот протестующе скрипнул. А, впрочем, может быть, что и не заметил... С последней встречи Сайлех еще больше высох и исхудал, а глаза исследователя горели торжеством, точно у безумного проповедника.

— Получилось, мудрый! — выдохнул ученый. — Все получилось. Вышло! Все как мы и обговаривали.

— Это ты сообщил в записке, — кисло заметил Верховный маг, стараясь не выдать нетерпения. — Мне нужны подробности. Давай по порядку.

— По порядку, — Сайлех сцепил перед животом длинные худые пальцы. — По порядку, хорошо. Я начал изыскания две луны назад. Смотритель городских тюрем согласился выдать каторжников и предназначенных для казни преступников...

— И как, ни у кого не возникло вопросов? — перебил Кассим.

— Он походя спросил, для чего мне, но я ответил, что кому-то нужно пробовать лекарства, которые готовит Круг. И потом, я маг, но я и наследник благородной семьи. Звучное имя действует без отказа, — тонких губ Сайлеха коснулась тень улыбки. — Я сообщил соседям, что собираюсь здесь все перестроить и перебраться, как закончатся работы, но на самом деле въехал ночью всего с горсткой учеников. Мы не мелькаем перед глазами, но никого не удивляют огни в служебном крыле и мои парни.

— Хорошо, — кивнул Верховный. — Ты все сделал правильно.

— Ну и сами исследования...

Сайлех не мог сдержаться и начал ходить по комнате. Боясь пошевелиться на хлипком сидении, Кассим застыл, лишь взглядом следя за долговязой фигурой.

— По правде сказать, у меня не с первого раза получилось. Совсем не с первого...

Поднятое полами кафтана дуновение смахнуло со стола исчерканные обрезки пергамента — но ученый не заметил и этого. Верховный презрительно поджал губы. Словно сорока, Сайлех стащил сюда, что ему приглянулось в залах старого фамильного особняка. Бесценный ковер со львами, ланями и леопардами покрылся пылью и лежал, прямо скажем, кривовато. В углу громоздился ворох шелка, в котором угадывались беспорядочно брошенные одежды. Пергамент, бумаги, глиняные таблички были повсюду — да, к тому же, в комнате царил сладковатый муторный запах подгнивших фруктов.

Кабы не особая чувствительность к силе — и не та тайна, которой владел один лишь Сайлех... да, впрочем, что об этом говорить?

— ...я понял, что структура силы, условно говоря, дух человека, начинает рассыпаться в доли мгновения после смерти, — продолжал тем временем ученый. — Иными словами, если смерть приходит сама, то перенести силу умершего в неодушевленный объект, сохранив и разум, и память, нельзя.

— То есть подопытного нужно убить, — мрачно констатировал Кассим.

— Я знаю, что вы думаете, мудрый, — Сайлех, наконец, остановился и сложил руки на груди. — Но мы говорим о воскрешении. Нет, не воскрешении даже — об устранении смерти! Положим, пациент страдает хворью и одной ногой стоит в последнем костре. Я могу подготовить все заранее, и его разум... душу, если угодно — сохранить и перенести в неодушевленный сосуд. Да, при этом нужно нанести последний удар. Но ведь это не убийство, разум продолжает жить. Это ни в коем случае не убийство!

— Говоришь, ты догадался на четвертом?

— На четвертом, — повторил ученый. И без того сутулые его плечи поникли. — Но они же смертники. Им так и так пришлось бы умереть.

— Куда ты дел тела? — не стал развивать тему Верховный.

— Я... не мог дать им доброго костра. Мне пришлось закопать их. Здесь, в саду.

Ты знал, на что шел, напомнил себе Кассим. Что же, то была не самая большая жертва Круга. И, пожалуй, даже не самая отвратительная. Маг помолчал, привыкая к тому, что теперь на нем висят еще три жизни — но, наконец, спросил:

— Ну и что ты получил?

— Ровно то, что обещал. Разум, память и личность перенесены из смертного тела в неодушевленный сосуд. Конечно, это только половина работы: нужно придумать, как дать умершему новое тело.

Кассим хотел было повторить за ним — «умершему» — чтоб сбить с ученого немного спеси. Но не успел. Сайлех поднял палец с довольно отросшим ногтем.

— Обнаружилось кое-что, чего я не предугадал заранее. Правы книжники, пишущие, что характер зависит от флюидов в теле человека, от тонкой алхимии крови, лимфы и секретов. Лишенный тела разум... вместе с телом он лишается и чувств.

Верховный молча поднял брови, ожидая пояснений.

— Все... привязанности, эмоции, былые предпочтения отмирают. Мой... пациент... помнит все, но не испытывает чувств. Ни горечи, ни сожалений.

— Я должен увидеть сам, — наконец решил Верховный.

— Вы должны понимать, мудрый, это только первый успех! — затараторил ученый, стоило Кассиму встать. — С новым телом он вновь... И я мог перенести не все, мог что-то упустить! Мне нужно продолжить опыты.

Быть может, он был прав — и уж наверняка добавил бы еще немало. Но от одной мысли, что придется вновь садиться на шаткий стул и вдыхать гнилостный фруктовый запах, к горлу подкатывала тошнота.

— Что тебе нужно, так это все расписать, — отрезал Верховный маг. — Чтобы и другие могли повторить то, что ты сделал.

Нет, прозвучало слишком резко. Кассим нашел в себе силы улыбнуться и похлопал ученого по плечу.

— Ты понимаешь, что сейчас ты самый ценный чародей Круга. А может, и в мире, — со значением сказал он. — Когда знание содержится лишь в одной голове, это слишком большой риск. Я не могу этого позволить. Ты должен меня понять.

— Конечно, мудрый, — горячо заверил Сайлех. — Конечно, я вас понимаю!

Прикидывается или нет? О другом Кассим сказал бы наверняка, он научился чувствовать такие вещи, но исследователь... был все же чересчур странным. Чего стоит один только блеск в его взгляде.

— Покажешь, куда идти? — чтобы сменить тему, спросил маг.

— Я могу и проводить.

— Нет, благодарю. Я хочу увидеть сам и сам составить мнение.

Лишь когда между ним и Сайлехом осталась крепкая добротная дверь, чародей вздохнул с облегчением.

И все-таки — как ни крути, но чудак сотворил невообразимое. Конечно, это еще не воскрешение. Пока нет. Но это первый шаг, и, если им удастся... те тексты, что он ради забавы складывал по дороге — Верховный понимал, что они никогда не будут написаны. Просто потому, что Асár, Мертвый бог и Великий Судия, будет забыт, перестанет существовать, вместе со всеми святилищами, жрецами и хронистами.

«И в сумерках веков застыла тьма над треском раздираемой завесы».

Свет колдовского огонька бросал блики на лакированное дерево пола и роспись на стенах. Кассим присвистнул, разглядывая потемневший от времени цветочный узор. Если это крыло для слуг, каким же был сам особняк? Иль-Калибы славились сказочным богатством. Как вышло, что такая семья выродилась до одного-единственного отпрыска? Да еще такого, как Сайлех.

Чтобы добраться в искомый зал, пришлось спуститься ниже уровня земли — впрочем, иного Верховный и не ожидал. Будь ты хоть трижды книжником, в таких вещах все мыслят одинаково: неприглядное прячут под землю. Здесь было душно, и пыльно, и лишь созданный Кассимом огонек слегка потеснил затхлый мрак подвала.

— Здравствуй, Верховный маг.

Чародей не знал, каким словом называть *это*. Просто шагнул в сторону, медленно обходя по кругу конструкцию. Здесь были латунные трубки и колбы, хрусталь и каучуковые крепления. *Это* выблискивало на свету неровными гранями кристаллов, матово мерцало медью и киноварью, бурлило, кипело, пенилось — а там, в глубине, куда не достигал свет колдовского огонька, гудело, перезванивалось, точно праздничные бубенцы, и тихонько чавкало.

— Прости, не знаю, как тебя по уставу-то... — добавил голос. Он был негромким, слегка металлическим, и шел оттуда, из чересполосицы теней и вспышек в сердце аппарата.

— Кассим сар-Ашад, — тихо ответил чародей. — Первый-в-Круге и Верховный маг.

Ни горечи, ни сожалений, говорил Сайлех — но Кассим готовился к проклятиям и черным посулам. Вместо них раздался лишь неясный звук... работает аппарат или и в самом деле похоже на смешок?

— Ну, значит, я все верно угадал. Верней, я догадался. Твой колдун-то, Верховный, он все бубнит под нос.

Да, это было невообразимо. Кассим ожидал, что найдет резервуар силы: кость древнего животного или природный кристалл — любой предмет, который маги используют как вместилище чар. Он ожидал, что потребуется ментальный контакт со спящим разумом, что придется нащупывать жизнь в, казалось бы, мертвой вещи. Но то, что выстроил Сайлех... должно быть, он и в самом деле гений. Безумец, даже опасный безумец, но гений.

— Это ты меня прости, — сглотнув, выдавил Верховный. — Я... не ожидал, что ты разговариваешь. Что я найду здесь собеседника, — поправился он. — Скажи, ты помнишь свое имя?

Вновь смешок. И Сайлех говорит, оно «не испытывает чувств»?

— Йелох. Одна нищая крестьянка назвала так грудняка. В гаванях говорили «Висельник», ну да новый Царь Царей, вроде, не вешает, а четвертует. Или отсылает на рытье каналов.

Кассим хотел было ответить, но голос добавил:

— Йелох Висельник вон там лежит, в углу, а есть ли у меня имя, ты уж сам решай. Не знаю, мое оно теперь или его.

Даже сайлехово детище не могло указать направления, но Кассим нашел тело и сам. Выругался — должно быть, Йелох оценил, портовые грузчики и те более скупы на проклятия — и лишь тогда понял, что тело обернуто в саван силы, не пропускавший внутрь ни воздух, ни тепло, ни холод.

— На самом деле мне так лучше. Я... чувствую его. Думаю. Оно и хорошо, что колдун все так оставил. Так что не больно кипятись, Верховный.

— Откуда ты знаешь, что я кипячусь?

— А я вообще много знаю, — туманно ответил Йелох. — Теперь-то уж точно.

— Теперь?

— Да вот, как все произошло, так аккуратно и... — голос умолк и молчал несколько долгих, томительных ударов сердца. — Не знаю. Я не знаю нужных слов.

— Что ты чувствуешь? — мягко спросил его Кассим.

— Не знаю. Раньше-то у меня были и глаза. и уши... Я разучился видеть, но теперь все чувствую. Как ты говоришь. Как ты... светишься. Так же, как и твой колдун, только сильнее, шибче. Я слышу, как ты говоришь, как гудит покров на трупе, а труп-то пустой, холодный. Все тепло здесь, внутри. Я слышу реки света. Они текут, перепутываются и... они гремят, как жреческие гонги.

— То, что ты слышишь — это сила, — негромко пояснил Верховный.

— Может быть. Я чувствую и думаю. Видеть-то я разучился, и у меня не на все есть слова. Но мне слова-то без надобности. Одно к другому... без слов собирается.

Чародей молчал, вслушиваясь в диковинные звуки. Проклятье! Он не знал, как ему себя вести. Объясниться? Принести извинения? Да уж, принести извинения убитому — звучит занятно. Но и вести светскую беседу, будто ничего не произошло, тоже не выход. Невозможно. Невыносимо. На мгновение ему показалось, что существо просто выжидает, изучает, испытывает его...

— А ты разговорчив, — осторожно отметил маг.

— Ты так думаешь? Да, и верно. По правде-то я слышал, как ты идешь, и подумал: а что, если я могу не только слушать?

— Ты все правильно подумал, Йелох Висельник, — чародей поколебался и все же добавил: — Позволь я объясню тебе, что произошло. И что еще произойдет.

— Валяй, — согласился бесплотный собеседник, но теперь, решившись, маг уже и сам бы не остановился.

— Сайлех ни в коем случае не «мой колдун»! — решительно отрезал Верховный. — Видишь ли, мы в Круге магов заведем всеми делами чародеев, это правда — но это не значит, что все маги подчиняются мне. Одна из моих обязанностей — судить тех, кто преступил закон при помощи чар. Всех магов, кто злоупотребляет Даром. Так я и познакомился с Сайлехом.

— Так он преступник? — вот это уже был настоящий смех. — Йелох Висельник и Сайлех Чернокнижник. Хороша пара! Даже звучит похоже.

Кассим дернулся, как от удара по лицу. «Может, он не понимает, что его убили? Может... нет, уж говорить так говорить до конца».

— Мне принесли о нем весть мои помощники, — резче, чем собирался, продолжил маг. — Но Сайлех из древней и знатной семьи, и я решил хотя бы увидеть его, поговорить вместо... того, чтобы сразу взять его под стражу. Он пришел ко мне и говорил об исследованиях. Долго, страстно... ну, ты знаешь. Он умеет. Сайлеха поймали на запрещенной магии: заклинательство смерти, другие грязные чары. Но только мне он рассказал, чем на самом деле занимается. Он изучал воскрешение. Хотел победить смерть. Научиться сохранять разум и память почившего.

— И ты его отпустил?

— Не отпустил, нет... — скривился Верховный. — Всего лишь дал еще один шанс. Разрешил осесть в старом отцовском особняке и написал грамоту для смотрителя тюрем, чтобы выделил смертников. Искушение было слишком велико.

— Дурацкая затея, — отметил голос. — По себе знаю. Отпускать можно тех, кто незаконничает по ошибке. Или по нужде. А тот, кто знал, что делает, всегда сделает снова.

— Слишком сильное искушение... — повторил Кассим. — Он должен был взять больных, кто все равно не протянул бы дольше пары лун. Он же взял обреченных на казнь и обычных каторжников...

— А на рытье каналов дольше и не протянешь, — вставил Йелох, но маг едва ли слышал его.

— Хуже того! Он начал убивать. А я не знал, пока не решил смотр провести... что он здесь творит. Видишь ли, Сайлех не нашел способа, что делать с теми, к кому смерть пришла сама, и понял, что должен убить того, чей разум хочет спасти. Это то, что он сделал и с тобой.

— Так ты из-за этого терзаешься? — из конца в конец комнаты раскатился звонкий металлический смех.

— Этого мало?

— Йелох Висельник, — настойчиво повторил бесплотный голос. — Так меня прозвали. Нет, я сам-то не убивал, меня подцепили на контрабанде. Но, конечно, я знавал всяких. Да и ты... ты это, спустишься из колдовских башен. В гаванях кровь льется каждую ночь. В городе царей столько же крови, сколько дерьма в сточных канавах.

— Бездна, но ведь он тебя убил. Тебя, а не кого другого!

— И что я потерял? — отпарировал Йелох. — Заложненное в кандалы тело, гнилые зубы и каналы, каналы до самой смерти... Я разучился видеть, но слышу то, чего не слышал никогда. Я думаю. О таком, чего не думал, пока мне нужно было жрать и срать. Мне только слов вот не хватает... Но говорю ж тебе: оно без слов собирается, одно к одному, кирпичик к кирпичику!

Кассим, и ранее не слишком веривший странному собеседнику, окончательно потерял нить разговора. «Может, он все же наблюдает, испытывает меня?». Чародей набрал в грудь воздуха, собравшись спорить, но голос перебил его:

— Говоришь, искушение было? Что с искушением-то?

— Победить смерть, — просто ответил маг. — Уже само по себе достаточно.

— Много же ты со смертью победишь. Это как все Царство с откоса спустить.

— Я... думал об этом, пока добирался сюда, — медленно проговорил маг. — Первое, что мне пришло в голову — что Мертвый бог потеряет власть. И все храмовые земли, стада и золото в придачу. Да, я понимаю, что все перевернется с ног на голову. Но перемены не бывают быстрыми. Даже речи нет о том, чтобы победить смерть до конца.

— А я тебя понимаю! — внезапно обрадовался Йелох. — Вы сможете так мало, что и значить-то ничего не будет. Ну, почти ничего. Будут перемены, но по шагу, по два, а не все вверх тормашками.

— Именно, — Кассим даже улыбнулся, так точно выразил его мысли каторжник.

— Так проводи свой смотр, раз уж ты здесь. Ведь ты за этим пришел, так?

Чародею потребовалось целое мгновение, чтобы решиться. Должно быть, это было опасно. Но искушение... оно манило, как плоть под тонкими одеждами танцовщицы, как сладкий запах наркотических курений. И все же он колебался.

— Я провожу. Уже одним разговором с тобой провожу. Но, конечно, если б я мог коснуться твоего разума...

— Давай, касайся, — припечатал голос.

Медленно, точно против воли, Верховный сделал один осторожный шаг, другой — а затем коснулся аппарата там, где латунная струна проходила через осколок хрусталя насквозь.

Мрак отступил и съежился, точно папирус в пламени свечи. Ослепительный ревуший свет высветил каждую трубку и колбу диковинной конструкции. Маг пытался заговорить, но горло сдавило, и вышел звук, более похожий на бессвязное собачье тьяканье.

Тогда-то он и увидел существо.

Его ноги покоились в бездне лет, предшествовавших появлению вселенной, а голова терялась во вспышках гаснущих созвездий. Его сознание сковало чародея холодным ужасом, а сияние было таким ясным, что рядом с ним маг чувствовал себя лишь грязным зверем. Холодный разум и жалость, смирение и безграничная скука, и более всего — бессилие, потому что не существует ни конца, ни края, и все уже было, и все есть там, где каждое мгновение умирает и вновь рождается время...

— О владыка... — не столько произнес, сколько оформил мысль Кассим — но закончить не успел, потому что его наконец-то объяла милосердная темнота.

Его привели в чувство сдавленные рыдания и, не очень понимая, где он и что происходит, человек приподнялся на локтях.

Первой он увидел груды покоруженного металла и битого стекла — и лишь затем блуждающий, словно с перепою, взгляд наткнулся на распростертого в пыли тучного старца. Цвет его лица был под стать роскошно вышитой багровой мантии, а грязные разводы на щеках прочертили дорожки слез. Пухлые руки его дрожали. Мясистые губы шевелились, но в невнятном бормотании смертник разобрал лишь слова раскаяния и мольбы о прощении.

Человек тряхнул головой. Он по-прежнему не помнил, где он и как его сюда занесло, но это стало не важно. Ни затхлый подвал, ни мямлящий старик-чародей, ни даже непослушное, точно окоченевшее под ледяным дождем тело.

Его влекло прочь. В серой дымке, в розовом зареве у горизонта над городом царей занимался рассвет.

И свечи гасли перед новым днем, на мрамор проливали подношения, жрецы венчали статуи венками и багрянницей укрывали каменные плечи. Четыре мудреца в поношенных чалмах сказали тускло: «Закончено, о Мертвый бог. Свершилось. Здесь остановилось и не продлится больше время. Вновь новое начало напишут в книгах, нам же вышел срок».

Так говорили старцы, угасая. А в городе в устье великой реки Ладжан Йелох Пророк, вестник Мертвого бога — шурился, впервые увидев солнце.

*Другие произведения автора, а также его статьи
и дополнительные материалы о мире Анхар
вы найдете на сайте:*

Vsevolod-Alferov.ru